Ю.С. Реунов

кандидат искусствоведения,

научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН

yury.reunov@gmail.com**ОРУЖИЕ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА: БОЕВОЕ И САКРАЛЬНОЕ. ЧАСТЬ 2**

В настоящей, второй по счёту части статьи продолжается исследование развития древнеегипетского оружия в контексте его боевого применения и ритуально-магического осмысления. В работе прослеживаются возникновение и ключевые вехи эволюции древкового, стрелкового и метательного видов вооружения. Внимание уделяется выявлению заимствований отдельных технических решений у других народов, что главным образом актуально для составных луков. Ввиду того что оружие не только выступало инструментом решения прикладных задач, но и было задействовано в ритуалах, затрагиваются религиозные представления египтян о роли фараона в поддержании миропорядка, а также об участии богов в достижении победы. Предлагается система признаков, позволяющих отнести предметы вооружения к утилитарной или парадно-ритуальной категории.

Ключевые слова: Древний Египет, оружие, война, ритуал, копье, дротик, дубина, лук, магия, символизм

In the second part of the article development of Ancient Egyptian weapons in context of their combat use and ritual and magical understanding continues to be studied. The paper reveals the key aspects of origin and evolution of pole, small arms and throwing weapons. Attention is paid to identifying adoptions of separate technical solutions from other nations, which is mainly relevant to compound bows. Due to the fact that weapons served as a tool for not only solving practical problems, but also performing rites, some Egyptian religious beliefs are briefly discussed, namely those on the role of a pharaoh in maintaining the world order as well as on participation of gods in achieving victory. A system of features that allow attributing weapons as belonging to a utilitarian or ceremonial category is proposed.

Keywords: Ancient Egypt, weapon, armament, war, ritual, spear, javelin, stick, bow, magic, symbolism

Вооружение – ценный источник сведений по проблемам военной истории, торговых отношений, ремесленных производств и религиозно-мировоззренческих представлений древних египтян. По мнению Г. Гилберта, эта тема является одной из важнейших для понимания принципов, на которых строились взаимоотношения человека, общества и государства, по крайней мере в раннединастическую эпоху [Gilbert, 2004, p. 14]. Архаическое сознание наделяло отдельные предметы особыми, магическими свойствами. Один и тот же тип вещей мог использоваться и для решения утилитарных задач, и для совершения ритуальных действий. Особенно наглядно это обнаруживает себя в случае с предметами вооружения. Настоящая работа является продолжением первой части статьи, посвящённой изучению развития средств ведения боя в долине Нила с позиции их практического использования и магического осмысления [Реунов, 2019]. Задачи исследования остались прежними: проследить генезис и эволюцию, выявить функции различных видов боевого и сакрального оружия в Древнем Египте. В первой части рассматривались ножи, кинжалы, секачи, топоры и булавы, а во второй внимание уделено метательному, стрелковому и древковому оружию. Источниковая база, а также историография по теме исследования описаны в первой части статьи.

Прежде чем приступить к рассмотрению предметов вооружения, необходимо сказать несколько слов о том, какой смысл будет вкладываться в такие их характеристики, как «сакральный», «священный», «магический» и «ритуальный». Под ритуальным оружием понимаются те вещи, которые изначально использовались для решения прикладных задач, однако со временем утратили утилитарную функцию и стали элементом обрядового инвентаря. Определения сакрального и магического вооружения не столь однозначны. На вероятную связь между представлениями древних египтян о божественном и оружии указывал ещё Ж.-Ф. Шампольон (см.: [Traunecker, 2001, p. 29]).

В основе его наблюдений лежало очевидное сходство между знаком $\neg$ nTg и топором. Здесь естественно возникает вопрос: где для египтянина проходила граница между магией и религией? Его исследованию посвящен ряд обстоятельных работ (см.: [Teeter, 2011, pp. 161-162]). Автор настоящей статьи придерживается подхода Я. Ассмана, определявшего магию как незримую силу, которая приводилась в действие с помощью ритуалов на локальном, бытовом уровне, тогда как религия использовала ту же силу для решения глобальных задач, таких как поддержание миропорядка [Assman, 2001, pp. 156, 242-244]. Таким образом, понятия магического, священного и сакрального по отношению к вооружению могут в известной степени рассматриваться как синонимичные.

Древним египтянам были известны четыре вида оружия для ведения дальнего боя – лук, праща, метательная дубина и дротики. Возникнув ещё в доисторическую эпоху, эти вещи позволяли эффективно поражать не защищённого бронёй противника, а при умелом использовании стрела и дротик могли пробить даже лёгкие доспехи. Боевые качества оружия влияли на тактику его применения в сражении. Основная задача стрелков и застрельщиков состояла в ослаблении сил неприятеля перед рукопашной схваткой. Эволюция метательного и стрелкового оружия в Египте подчинялась общим для всего Ближнего Востока законам и принципам. Так, по мере развития техники и технологий обработки материалов, а также сообразно назначению и условиям использования изменялись форма наконечника, длина древка, оперение стрелы. Следует, однако, иметь в виду, что появление более совершенного оружия само по себе вовсе не обязательно быстро приводило к его массовому внедрению. Переход армии к новым образцам мог растягиваться на десятилетия и даже века, как в случае с хепешем [Реунов, 2019, с. 24].

Лук – самый распространённый вид стрелкового оружия – использовали в Египте ещё в доисторическую эпоху. Нельзя точно назвать время его появления здесь, впрочем как и в других странах [McEwen E. et al., 1991, p. 76]. Благодаря сухому климату многие образцы этого стрелкового оружия, относящиеся к разным периодам, хорошо сохранились. Интересно, что наиболее ранние египетские луки в конструктивном плане отличаются от тех, что были найдены в других регионах мира. Так, древнейшие луки, обнаруженные на территории муниципалитета Холмегор в Дании, датированные VI тыс. до н. э., сделаны из цельного куска вяза; по строению они относятся к простым, а по форме плеч – к прямым [Grayson et al., 2007, p. 1]. Самые же ранние из известных египетских образцов изготовлены из пары рогов антилопы, соединённых деревянной перемычкой, что позволяет формально отнести их к сложным (композитным, составным) и двояковогнутым по форме [Горелик, 1993, с. 67]. Их тетива делалась из сухожилий животных, полосок кожи или растительных волокон. Таким образом, стрелковое оружие обнаруживает значительные региональные различия уже на самом раннем этапе эволюции.

Исследование любого вида вооружения предполагает составление периодизации его развития. Возможно ли создать таковую для египетских луков? Археологического материала, происходящего из разных районов долины Нила, а также из Восточного Средиземноморья, для этого достаточно. Первый, древнейший период развития представлен памятниками неолитического времени. К ним относятся упомянутые выше образцы, сделанные из рогов антилопы. Подобные луки изображены на Охотничьей палетке [Shaw, 2019, p. 101]. Впрочем, нельзя утверждать, что в древнейшую эпоху существовало оружие только такого типа конструкции. Скорее можно говорить о том, что начиная с самого раннего времени люди, заселявшие долину Нила, экспериментировали с доступными им материалами [Gilbert, 2004, p. 25], в результате чего параллельно с простым луком появился прообраз композитного. Его древко служило не для повышения жёсткости изделия, как в случае с полноценным составным луком, а для сцепления между собой пары рогов, образующих плечи. Таким образом, речь идёт об иной конструктивной функции. Здесь уместна такая аналогия: хотя китайцы изобрели порох и первыми использовали его для изготовления фейерверков, их всё же нельзя считать родоначальниками ракетостроения. То же относится и к предкам древних египтян, создавшим на определенном этапе развития ремесленных производств лук, являющийся композитным по строению, но не отвечающий этому обозначению в функциональном плане.

К началу династического периода (кон. IV тыс. до н. э.) лук из рога вышел из употребления. С этого времени по археологическим находкам прослеживается использование только простого прямого лука, сделанного из цельного куска древесины. В Египте произрастали два вида деревьев, хорошо подходящих для этого, – акация и зизифус (*Ziziphus spina-christi*) [Cartwright, Taylor, 2008, р. 77]. С широким распространением деревянного лука начался второй этап развития этого вида оружия. Луки, которые египтяне изготавливали на завершающей стадии политогенеза, были небольшими. Об этом свидетельствуют как изобразительные источники – палетки с фигурами лучников, так и археологические – найденные стрелы, по длине которых можно судить о размере оружия [Емегу, 1963, р. 113]. Со временем ситуация изменилась. Некоторые образцы III – первой половины II тыс. до н. э. обладали внушительными габаритами – более 150 см в длину, причем такие луки продолжали изготавливаться и в эпоху Нового царства.

Наконец, третий, заключительный этап связан с принятием на вооружение в середине II тыс. до н.э. полноценного сложного лука. Точное время и место его возникновения неизвестны. Самые древние композитные луки, действительно являющиеся таковыми как по строению, так и в функциональном отношении, были найдены в разных районах Ближнего Востока и Центральной Азии и датируются III тыс. до н. э. [Grayson et al., 2007, р. 10]. Ясно, что этот новый для Египта тип лука использовали гиксосы. Вероятно, как и в случае с секачами-хепешами [Hamblin, 2006, р. 71], отдельные образцы могли попасть в долину Нила ещё в конце эпохи Среднего царства, однако массово применяться такой лук стал только в начале Нового царства. По форме египетские сложные луки были преимущественно треугольными либо рекурсивными. Последние иногда ещё называют двояковогнутыми, поскольку они характеризуются двойным изгибом.

Возникновение сложного лука было обусловлено стремлением улучшить существующий простой тип по двум основным параметрам. Во-первых, следовало за счёт новых конструктивных решений уменьшить силу, которую стрелок затрачивал, натягивая тетиву. При длине лука 150 см в натянутом состоянии ему нужно было приложить для этого такое же усилие, как если бы он поднимал груз массой 60 кг. Разумеется, это быстро утомляло стрелка и значительно снижало эффективность дистанционных атак. Во-вторых, простой длинный лук в силу своих габаритов мало подходил для колесниц. Так возникла потребность уменьшить размер оружия и сделать его более удобным в использовании. Обе задачи были решены с появлением сложного лука [Howard, 2011, pp. 29-30]. Ещё одно его преимущество заключалось в более мягком по сравнению с простыми луками спуске стрелы. Это достигалось за счёт того, что при натяжении тетивы изгибались в первую очередь концы плеч, тогда как рукоять сохраняла форму.

Производство композитных луков предъявляло к мастеру-оружейнику более высокие квалификационные требования. Так, технология их изготовления предполагала вклеивание в изделие с внутренней стороны древка одного или нескольких кусков древесины либо предварительно размоченных роговых пластин. За счёт этого увеличивалась жёсткость вещи, что способствовало более эффективному накоплению энергии упругости, а также повышались дальность стрельбы и поражающая сила. Для того чтобы сделать оружие более эластичным, между слоями материала в древке помещались полоски кожи, плотной ткани, либо продевался шнур (более подробно см.: [McLeod, 1970; Darnell, Manassa, 2007, р. 71]). В качестве связующего вещества обыкновенно использовалась смола или клей, который должен был не только хорошо скреплять поверхности, но и быть эластичным [Howard, 2011, р. 29]. Реализация перечисленных решений позволила сделать лук более компактным и эргономичным, уменьшить длину плеч. Общая длина такого оружия составляла 100-120 см. Эффективная дальность стрельбы из сложного лука достигала 160-175 м.

Естественно, что композитный лук требовал более бережного обращения, чем простой. В частности, наибольшую опасность представляла для него высокая влажность воздуха, приводившая к деформации элементов конструкции и, как следствие, утрате боевых качеств. Хотя в Египте имелись свои мастерские и специалисты по производству и ремонту таких луков,

значительная их часть всё же импортировалась из-за рубежа. Это объясняется тем, что необходимые материалы, такие как древесина берёзы или ясеня, а также рога агримы (*Capra aegagrus creticus*), можно было легко найти на Крите или в Леванте, но не в долине Нила [Morkot, 2010, p. 25; Creasman, Wilkinson, 2017, pp. 175-176; Shaw, 2019, p. 104].

Консерватизм, который был свойственен египтянам в вопросах военного дела, наглядно проявился в отношении к стрелам. Наиболее распространённым материалом для изготовления древка на протяжении всей египетской истории служил тростник. К хвостовой части древка в три ряда прикреплялось оперение, стабилизирующее полёт стрелы и позволяющее ей выдерживать траекторию выстрела. Охотничьи стрелы зачастую были вовсе лишены наконечников. В этом случае ударная часть лишь обжигалась на огне для придания ей требуемой жёсткости. Если же наконечник присутствовал, он, как правило, изготавливался из кремня.

Уже в додинастическую эпоху в долине Нила использовали разные по форме наконечники [Emery, 1963, p. 114]. Среди них были листовидные, треугольные, «бородатые», а также наконечники типа «ласточкин хвост». Однако отличительной особенностью египетских стрел всё же стал наконечник специфической долотообразной формы [Горелик, 1993, с. 72]. Рана, полученная в результате попадания такой стрелы, была рваной и долго заживала, что в условиях жаркого климата и слаборазвитой санитарии могло привести к инфекции.

Кремнёвые наконечники хорошо подходили для поражения незащищённого или укрытого лёгкой бронёй противника: при попадании в тело они раскалывались и осколки причиняли человеку сильную боль. И всё же кремень имеет существенный недостаток: это хрупкий камень. Следовательно, сделанный из него наконечник, в отличие от металлического, едва ли мог пробить среднюю или тяжёлую броню. Поэтому уже в эпоху Древнего царства получили распространение медные наконечники стрел. М. Одлер в своём исследовании приводит находки форм для их отливки, а также пытается локализовать месторождения руды, использовавшейся в их производстве [Odler, 2016, pp. 208-209]. Когда же в эпоху Нового царства египтяне столкнулись с хорошо защищёнными воинами ближневосточных армий, совершенствование стрел превратилось в насущную потребность. В результате на смену медным наконечникам пришли бронзовые.

Известны примеры нетипичных для Египта материалов для производства снарядов. Так, в гробнице Тутанхамона найдены наконечники стрел, сделанные из слоновой кости и даже из стекла [Reeves, 2005, p. 175]. Очевидно, что эти стрелы входили в набор парадного вооружения и не были предназначены для использования в бою.

Говоря о материалах для изготовления наконечников стрел, отдельно следует упомянуть железо. Переход от медного и бронзового оружия к железному был значимой вехой в развитии вооружения. В Восточном Средиземноморье данный процесс отчётливо проявил себя около 1200 г. до н. э., когда стал очевиден потенциал использования этого металла в разных областях, включая военное дело [Dupuy, 1980, p. 3]. Однако археологические находки свидетельствуют о том, что, хотя египтянам и были известны стрелы с железными наконечниками, широкого распространения они не получили.

К середине II тыс. до н. э. в Египте уже существовала достаточно широкая номенклатура разновидностей наконечников стрел. Возникновение новых форм было обусловлено появлением новых задач, которые приходилось решать лучнику, а также интенсификацией отношений с народами Ближнего Востока. Имеющиеся источники свидетельствуют о том, что начиная с эпохи Нового царства чужеземные наёмники, переселенцы и торговцы привозили с собой традиционные для них предметы вооружения, включая стрелы [Shaw, 2017]. Наибольшее разнообразие типов и форм наконечников стрел, среди которых охотничьи, бронебойные и зажигательные, представлено на памятниках греко-римского времени.

Завершив описание эволюции самих луков и стрел, необходимо обратиться к снаряжению лучников. В III тыс. до н. э. египтяне, как и другие народы Древнего Востока, в походе носили лук в руках или на левом плече. Об этом свидетельствуют изобразительные источники – рисунки

на стенах гробниц чиновников и военачальников. С начала II тыс. до н. э. рукоять лука стали оборачивать в кожаный чехол-футляр. В эпоху Нового царства оружие уже полностью прятали в кожаный чехол, повторявший его форму. Изображение такого чехла сохранилось, например, в настенных росписях гробницы Кенамона близ Фив. Он был достаточно жёстким, плоским по форме и имел рамную конструкцию. Лук в нём переносили в натянутом виде. Содной стороны, это позволяло быстро изготовить оружие к бою, с другой – при длительном ношении его боевые характеристики из-за ослабления натяжения тетивы ухудшались. Существовали также прямоугольные чехлы для луков со снятой тетивой. Следует отметить, что лук использовали не только пехотинцы, но и экипажи колесниц. Конструкция лёгких колесниц, характерная для Египта и Восточного Средиземноморья во II тыс. до н. э., обязательно включала в себя налуч, который крепился к правому боку кузова. Если же экипаж брал с собой запасной лук, то налуч для него устанавливался на левом боку.

Как стрелы переносили во время боя или в походе? Если их было немного, то удерживали в кисти левой руки. Тому есть подтверждения в изобразительных источниках, например в росписях частных гробниц Древнего и Среднего царств, а для эпохи Нового царства это иллюстрируют рельефы на стенах храмов. Если стрел было много, их собирали в связки и затыкали за пояс. В середине II тыс. до н. э. египтяне начали использовать цилиндрический кожаный колчан [Shaw, 2019, p. 105], который, очевидно, позаимствовали у азиатов [Горелик, 1993, с. 74]. Чтобы удобнее было доставать оттуда стрелы, колчан вскоре стали закруглять снизу, а его устье делать более широким.

Лук представляет опасность не только для противника, но и для самого стрелка. Дело в том, что во время выстрела, когда тетиву отпускают, она способна задеть и травмировать предплечье лучника. Для того чтобы избежать этого, использовали нарукавники и наплечники [Shaw, 2019, pp. 104-105].

В чём состояла функция лучников в бою? Она была различной у пехотинцев и колесничих. При сближении армий пешие лучники встречали противника и делали по нему несколько залпов. Количество выпущенных стрел зависело от дистанции до неприятеля, скорости сближения, особенностей рельефа местности, запаса боеприпасов и, наконец, замысла военачальника. После этого лучники отходили, и в схватку вступали отряды ближнего боя. Впрочем, лучники участвовали в сражении не только в начальной его фазе. В случае, когда враг отступал, его могли преследовать и расстреливать. По-видимому, описанные тактические приёмы стали базовыми уже в неолитическую эпоху [Gilbert, 2004, p. 27].

Какие факторы определяли выбор типа используемого лука? Это дискуссионный вопрос, который вызывает споры среди специалистов. Так, Дж. Дарнелл и К. Манасса считают, что сложные луки в эпоху Нового царства использовали как пехотинцы, так и воины на колесницах [Darnell, Manassa, 2007, p. 60]. Действительно, такое утверждение в общем представляется правдоподобным, однако если обратить внимание на технические аспекты эксплуатации стрелкового оружия и доступность его видов для разных слоёв общества, то станет очевидной необходимость внесения уточнений.

Египетские пешие лучники использовали простые луки в эпоху не только Древнего и Среднего, но также и Нового царства. Об этом свидетельствуют как материал, обнаруженный в арсеналах крепостей, так и изобразительные источники, в которых по-разному передаются простые и сложные луки. Такая ситуация обусловлена утилитарными соображениями. Во-первых, простые луки дешевле в производстве и их проще поддерживать в рабочем состоянии. Во-вторых, для того чтобы надеть снятую тетиву, вполне достаточно сил самого лучника, как это можно наблюдать, например, в росписях гробницы Бакета III на некрополе Бени-Хасан. Иными словами, простой лук представлял собой доступное, широко распространённое оружие, надёжное и неприхотливое. Впрочем, египтяне использовали и трофейное вооружение, добытое в битве. В военных хрониках и автобиографиях регулярно встречаются упоминания об изъятии у побеждённых врагов оружия и защитного снаряжения [Горелик, 1993, с. 118].

Что касается египетских колесниц, то их экипажи использовали преимущественно сложные луки, о чём говорят находки в гробницах, а также настенные росписи. Техника стрельбы из них имела свои особенности в сравнении с описанной выше. Так, колесница представляет собой мобильную платформу, лишённую рессор. Её экипаж постоянно испытывал тряску, вследствие чего стрельба по навесной траектории, естественной для простого лука, была неэффективной. Настильная траектория предъявляла к оружию более высокие требования с точки зрения начальной скорости снаряда. Экипажи египетских колесниц приближались к неприятелю, чтобы выпустить стрелы, после чего отступали либо прорывали вражеский строй. Таковы были два основных тактических приёма.

Были ли композитные луки массовым оружием? Нет, ведь они стоили дорого, а потому позволить себе их могли только зажиточные люди, которые и составляли ядро колесничьего войска [Darnell, Manassa, 2007, p. 64]. Кроме того, оперативный ремонт этого оружия в полевых условиях был едва ли посилен для одного человека, однако слаженная команда-экипаж вполне с этим справлялась. Наконец, стрела, выпущенная из композитного лука, куда более мощного, чем простой, имела высокие шансы пробить кольчугу или панцирь. Это означало, что именно лучникам на колесницах предстояло вывести из строя наиболее хорошо защищённых противников. Принятие на вооружение сложного лука, мощного и удобного, стало одним из двух важнейших нововведений в египетской армии после изгнания гиксосов наряду с началом использования колесниц [Shaw, 2015, p. 104].

Использование лука на охоте и войне очевидно, тогда как с его небоевым применением всё не так однозначно. Какие признаки могут указывать на иную, отличную от боевой функцию вещи? Один из ключевых – редкие материалы, использованные для ее изготовления, и богатый декор. Такой предмет скорее выступал элементом системы парадного вооружения, подчёркивающим богатство и высокое общественное положение владельца. Другой признак, указывающий на сакральную или парадную функцию вещи – слишком маленький либо чересчур большой её размер. Применение такого оружия в бою неэффективно или вовсе невозможно. Ярким примером тому служат навершие булавы царя Скорпиона [Реунов, 2019, с. 28]. Наконец, в ряде случаев место обнаружения предмета – пространство храма или гробницы – может указывать на его сакральную функцию (об этом см.: [Белова, 1999; Шеркова, 2016]).

В Египте обнаружено совсем не много образцов стрелкового вооружения, удовлетворяющих перечисленным признакам. Это преимущественно луки, входящие в погребальный инвентарь царей и вельмож, живших в эпоху Нового царства. В качестве примера можно привести набор луков из гробницы Тутанхамона, который включал в себя композитные и простые варианты. [Darnell, Manassa, 2007, p. 71]. Длина последних довольно сильно различалась. Так, один лук имел всего около 65 см в длину. По-видимому, он служил царю в детском возрасте. Размер трёх других луков составлял почти 2 м, что значительно превосходило среднестатистический рост египтянина того времени. Мог ли такой слабый, болезненный юноша, как Тутанхамон, стрелять из этого оружия? Сомнительно, учитывая, что для натяжения тетивы требовалась большая физическая сила, которой среди царей XVIII династии, кроме Аменхотепа II, едва ли кто мог похвастаться. Некоторые из найденных Г. Картером луков явно были парадными. Так, ряд образцов богато декорирован резьбой и покрыт краской. Особенно выделяется один композитный лук, плечи которого оканчиваются фигурами связанных врагов [McLeod, 1970, pl. 5]. Тетива крепилась к их шее, так что при каждом натяжении лука царь как бы осуществлял символическое удушение врагов Египта.

И всё же различия в форме и размерах луков часто можно объяснить особенностями производственной технологии и спецификой исходных материалов. Мастера заботились в первую очередь о боевом потенциале создаваемых ими вещей и только затем об их эстетических характеристиках. Это составляет заметный контраст с прекрасными топорами, булавами и кинжалами, которые обычно составляли набор парадного вооружения.

Сакральная сущность предмета может также раскрываться в передаче его образа художественными средствами. Так, от эпохи Нового царства дошло большое количество батальных сцен, в которых главным действующим лицом выступает сражающийся царь [Śliwa, 1974, p. 112]. Его оружие в таких случаях следует рассматривать с двух позиций – исторической и мифологической. С одной стороны, фараон на самом деле мог использовать тот же лук на поле боя, и тогда это оружие будет правильно отнести к категории боевого. С другой – фигура царя, изображённая на стенах храма, служила не просто наглядной демонстрацией произошедшего события. На протяжении всей истории Египта, от додинастического до римского времени, одна из главных функций правителя состояла в поддержании миропорядка Маат посредством участия в различных обрядах [Shaw, 1991, p. 7]. Это нашло отражение в изобразительных памятниках, в том числе в рельефных композициях на стенах храмов, где царь показан совершающим ритуалы, призванные обеспечить Египет поддержкой богов [Teeter, 1997, p. 47]. Таким образом, лук в подобных сценах может выступать магическим инструментом – сакральным оружием, служащим для победы над злом [Karenga, 2004, p. 193].

Отдельной задачей представляется определение назначения луков, найденных в гробницах частных лиц или изображённых там на стенах. Можно ли назвать их сакральными? Тогда как царь совершал ритуалы постоянно в течение жизни, оружие, которое использовали его чиновники и военачальники, служило для решения прикладных задач. Найденные в их гробницах топоры, луки и кинжалы следует рассматривать скорее как рабочий инструмент и атрибут биографии, указывающий на выполнявшиеся при жизни функции. Что касается росписей гробниц, то о прикладном назначении нарисованных луков свидетельствует сюжет сцен: умерший обычно изображается на марше либо в схватке стреляющим по неприятелю. Таким образом, эти композиции являют собой исторический рельеф, повествующий о жизненном пути покойного.

Что собой представляют наиболее древние изображения стрелкового оружия в долине Нила? Это настенные росписи, например в гробнице вождя из Иераконполя [Матье, 2005, с. 16], рисунки на керамике, а также декор палеток, относящихся к додинастическому времени. Египетское искусство тогда ещё было далеко от пика своего жанрового многообразия, и в нём преобладали сцены охоты и триумфа [Shaw, 2000, p. 46]. Это иллюстрирует, в частности, декор блюда из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина в Москве (инв. № I.1.a 4777) [Матье, 2005, с. 15], которое относится к периоду Нагада I. В центре композиции – фигура охотника, удерживающего четырёх собак на поводках. В левой руке у него лук и стрелы. В целом роспись выполнена в схематичной манере, однако оружие передано чётко и узнаваемо. Лук в руке охотника имеет признаки простого, деревянного, что согласно археологическим данным свойственно этому времени.

Наибольшее количество изображений луков, а также другого оружия относится к эпохе Нового царства. В это время батальный «жанр» достиг своего наивысшего развития, возникли различные подвиды батальных сцен. Расширился также диапазон типов поверхностей, которые украшал художник. Так, к палеткам и интерьеру гробниц добавились стены и колонны храмов, предметы обрядового и декоративно-прикладного назначения из царских усыпальниц, такие как кузова колесниц и мебель.

Пример сцены, иллюстрирующей героизм царя, лично участвующего в сражении, можно увидеть на кузове колесницы Тутмоса IV из Египетского музея в Каире (рис. 1) [Partridge, 2003, p. 69]. Композиция на левой стороне кузова представляет собой устойчивую модель батальной сцены, ставшей каноничной в эпоху XVIII династии. Управляющий колесницей фараон изображён повергающим противника. В правой руке у него композитный лук треугольной формы. Такой же лук держит воин-чужеземец, стоящий в кузове колесницы, изображённой рядом с царской колесницей. Фигура Тутмоса, как и его коней, передана в крупном размере, превосходящей других персонажей сцены. Этот художественный приём возник в доисторическую эпоху и применялся для отражения иерархической значимости героев. Другой приём, также восходящий к додинастическому времени,

Рис. 1.

Левая часть кузова колесницы Тутмоса IV, внешняя сторона (прорисовка).

заключается в передаче позы царя, уверенно возвышающегося над хаотично распластавшимися врагами. Чистота линейного решения образа фараона противопоставляется неорганизованности его врагов. Так художественным языком выражена одна из составляющих картины мира древних египтян [Реунов, 2019, с. 29].

На внешней стороне правой части кузова также изображена батальная сцена (рис. 2). В композиционном плане она повторяет описанную выше, но отличается от неё деталями. Так, здесь царь готовится выпустить стрелу из лука другой формы – рекурсивного. Показ действия незавершённым, длящимся – художественный приём, определяющий иной порядок осмысления времени. Завершённое, свершившееся действие – часть истории в её линейном восприятии,

Рис. 2.

Правая часть кузова колесницы Тутмоса IV, внешняя сторона (прорисовка).

тогда как переданное художественными средствами длящееся действие будет продолжаться вечно. Таким образом, изображенная победа царя над врагами предстаёт не столько как реальное событие, сколько как магический акт, призванный утвердить власть Египта над другими странами.

Кроме того, декор колесницы Тутмоса IV свидетельствует о том, что композитные луки треугольной или рекурсивной формы выступали основным оружием дальнего боя на колесницах в XIV в. до н. э. В этом смысле точность при передаче деталей, которая была свойственна египетскому искусству, оказывается по-настоящему ценной для исследования развития вооружения.

Примечательно, что, хотя лук использовался не только на войне, но и на охоте, в египетском языке понятие «лучник» связано именно с военной силой. Притом не имеет значения, о ком идёт речь – о египтянах или об иноземцах [Darnell, Manassa, 2007, p. 58]. Представление о лучнике как о персонализации военной силы нашло отражение в символе «девяти луков». Это понятие возникло в додинастическую эпоху и продолжало фигурировать в изобразительных и текстовых источниках в течение всей египетской истории. Оно характеризует не только традиционных противников Египта – нубийцев, ливийцев и азиатов, но и представителей любых враждебных народов в принципе, без привязки к происхождению и эпохе [O'Connor, Quirke, 2003, pp. 12-13]. Возможно, цифра 9 имела какое-то магическое значение, однако прямые свидетельства тому отсутствуют [Partridge, 2011, pp. 6-7].

Художественное воплощение «девяти луков» встречается на стенах храмов и гробниц, а также на предметах дворцовой утвари и погребального инвентаря. Так, в гробнице Тутанхамона были найдены скамейки для ног с изображением связанных иноземцев. Эти скамейки имеют разную конструкцию и отличаются как высотой, так и декором. Они позволяли царю, восседающему на троне, символически попирать ногами образы врагов Египта. Одна из таких скамеек, хорошо сохранившаяся, представлена в экспозиции Египетского музея в Каире (инв. № JE 62045) [Darnell, Manassa, 2007, p. 59]. Её украшают девять стоящих одна за другой антропоморфных фигур со связанными за спиной руками. Между собой эти персонажи также связаны при помощи верёвки, обвивающей шею каждого из них. Ремесленник мастерски передал этническую принадлежность фигур через черты лиц и причёски. Иноземцы изображены в неустойчивых позах, стоящими на мысках, так подчёркивается их подчинённое, зависимое по отношению к царю положение. К этому художественному приёму, возникшему ещё в додинастическую эпоху, египетские мастера прибегали в течение всей истории, что свидетельствует о его каноничности.

Другой пример «девяти луков» можно увидеть в декоре царских сандалий из гробницы Тутанхамона. Они также хранятся в Египетском музее в Каире (инв. № JE 62685). На подошвах сандалий изображены пары связанных мужских фигур. Лица, причёски и костюмы отражают этническую принадлежность персонажей. Над фигурами пленников и под ними изображены композитные луки [Veldmeijer, 2010, p. 92]. Как и в случае со скамейками для ног, декор сандалий служил для символического попиранья фараоном образов иноземцев.

Представления древних египтян об оружии в его прикладном и символическом осмыслении раскрываются не только в находках самих предметов вооружения и изобразительных источниках. Большое значение имеют также письменные памятники. Так, ещё один аспект представлений египтян об использовании луков раскрывается в тексте Армантской стелы, найденной в храме Монту в Арманте. В нем говорится об успехах Тутмоса III во время азиатских походов [Троу, 2006, p. 133]. В частности, фараон-стрелок предстаёт в образе смелого и искусного воина и охотника, подобного богу Монту [Pritchard, 2016, pp. 243-244]. Он доблестно вступает в противоборство с дикими быками, львами, носорогами и слонами, с которыми расправляется без жалости. Следует заметить, что такое отношение к животному миру было естественно не только для египтян, но и для ассирийских царей. Жестокость и беспощадность, как считалось, выступают признаком маскулинности – абсолютно необходимого для правителя качества [Lemos, 2017, p. 44]. Метафорическое сопоставление царя и бога Монту встречается и в более поздних текстах. Например, в «Поэме Пентаура» говорится о том,

как Рамсес II, «подобно Монту», расстреливал хеттов из своей колесницы в битве при Кадеше (строки 125-130) [Gardiner, 1960, p. 10].

И всё же наиболее известным по источникам фараоном-лучником был Аменхотеп II. Его физическая сила, как следует из хроник, значительно превосходила возможности современников. Доблестный, бесстрашный, он уподоблялся Монту, как и его отец Тутмос III. Стрелы, выпущенные Аменхотепом II по медной мишени-щиту толщиной в ладонь, пробивали её насквозь [Pritchard, 2016, pp. 244]. При этом царь стрелял в движении, из колесницы [Drews, 1993, pp. 120-121]. Иллюстрацией тому служит фрагмент рельефа из Карнакского храма, входящий в собрание Музея Лувра (инв. № J 129) [Romano, 1979, fig. 53]. Центральное место в композиции занимает царь с луком в руках на колеснице. Справа от него изображена пронзённая пятью стрелами мишень.

Подводя итог проблеме утилитарных и сакральных функций лука в Древнем Египте, можно отметить следующее. Это оружие начали использовать в долине Нила задолго до завершения полигогенеза, и оно выступало основным средством дистанционного поражения противника на протяжении всей истории страны. Как и другие виды вооружения, лук со временем эволюционировал: изменялись технология его изготовления, материалы, форма и размер. Сильный толчок к его развитию дали гиксосы. Противодействие им мотивировало египтян на масштабные реформы в области военного дела. Как следствие, на вооружение был принят составной лук, идеально подходивший для применения главной ударной силой древних ближневосточных армий – колесничьим войском. В отличие от булавы, утратившей к эпохе Нового царства свою популярность на поле боя и превратившейся в преимущественно сакральное оружие [Реунов, 2019, с. 27-28], лук продолжал широко применяться как на охоте, так и в бою. Как видно по изобразительным источникам, его использовала и пехота, и колесничие. Оказавшись в руках обожествлённого царя, оружие обрело сакральные свойства, однако это вовсе не отменяло возможность его применения на поле боя.

Другим оружием, которое египтяне использовали для дистанционных атак, были метательная дубина и её условная разновидность – бумеранг. Их применение носило очень ограниченный характер. Это архаичное оружие, возникшее задолго до начала собственно египетской истории [Горелик, 1993, с. 61]. Дубина, возможно, выступила одним из первых орудий, которое человек научился использовать в своей хозяйственной деятельности, и определённо стала первым орудием, которое начали производить египтяне [Mendoza, 2017, p. 306; Peck, 2013, p. 192].

Метательную дубину изготавливали преимущественно из твёрдых пород древесины, в том числе из чёрного дерева [Partridge, 2003, p. 37]. Один из примеров этого оружия, обнаруженный в гробнице Тутанхамона, сделан из тамариска [Reeves, 2005, p. 176]. Для того чтобы дубину было удобно держать в руке, с одного конца иногда вырезали упор под мизинец и ребро ладони. Другой конец оставляли утолщённым, более тяжёлым, что повышало ударные возможности оружия [Howard, 2011, p. 26]. Тело дубины, как правило, изгибалось начиная от центра, но единого стандарта её производства в Древнем Египте не существовало. Известны примеры этого оружия, стилизованные под образы птиц и змей [Mendoza, 2017, p. 306].

Боевой потенциал метательной дубины невелик. Это обусловлено короткой дистанцией её применения, относительно низкой точностью попадания и слабым ударным воздействием. Кроме того, ещё один существенный недостаток дубины заключался в том, что после броска она попадала в руки противника, тогда как бросивший её оказывался безоружным [Partridge, 2003, p. 37]. Вместе с тем она имела и ряд преимуществ по сравнению с другими видами. Прежде всего, дубина была крайне проста в изготовлении, для её производства не требовалось высокого уровня компетенций мастера. Чтобы бросить её в цель, не нужна специальная подготовка. Наконец, материал для производства этого оружия можно было достать по всему Египту.

Дубина была широко распространена в додинастическую эпоху, однако позднее из-за перечисленных недостатков на поле боя уже практически не применялась.

Согласно изобразительным источникам в историческое время её использовали преимущественно на охоте [Mendoza, 2017, р. 142]. Так, в росписях частных гробниц эпохи Древнего царства и последующих периодов регулярно встречаются сюжеты плавания умершего по Нилу в лодке. Подобно тому как в канонической модели батальной сцены главное действующее лицо поднимает над головой в замахе топор или булаву [Реунов, 2013], в сценах охоты герой воздевает дубину. Хорошо сохранившийся пример такой композиции можно наблюдать в декоре гробницы ВН3 в Бени-Хасане. Это погребение принадлежит Хнумхотепу II, номарху, обладателю высоких и почётных должностей, жившему в XIX в. до н. э. Вход в святилище фланкирует пара изображений хозяина гробницы. На одном из них, южном, он запечатлен на лодке во время ловли рыбы при помощи гарпуна, а на другом, северном, – тоже на лодке, но уже с метательной дубиной в преддверии броска по прячущимся в зарослях тростника птицам. Сюжет этих сцен восходит к раннединастическому времени [Kamrin, 1999, р. 112], что указывает на устойчивость возникших в глубокой древности композиционных решений. По мнению Ж. Камрин, размещённые в святилище композиции представляют собой древнеегипетскую модель космоса, переданную художественным языком [Ibid.]. Следовательно, запечатленные здесь действия необходимо рассматривать сквозь призму мифологического осмысления, и метательная дубина является сакральным орудием. С другой стороны, охота была распространённым видом развлечения знати, и её изображение в гробнице можно расценивать как фрагмент автобиографии умершего. В этом случае дубина предстаёт предметом утилитарно-бытового назначения. Таким образом, изобразительные источники не всегда могут дать исчерпывающие сведения о вещи и области её применения в отличие от археологических свидетельств.

Обнаруженные в гробницах знати и царских усыпальницах метательные дубины можно разделить, сообразно их назначению, на два типа. На это указывал ещё Г. Картер, описывая находки из гробницы Тутанхамона [Carter, 2014, р. 99]. Первый тип представлен дубинами, сделанными из древесины твёрдых пород. Они согнуты таким образом, что напоминают ладьи для плавания по Нилу. Эти вещи могли быть покрыты полихромной росписью, которая не сохранилась. На нескольких экземплярах уцелели накладки из фаянса [Reeves, 2005, р. 176]. Несмотря на наличие декора, эти предметы вполне возможно использовать в бою или на охоте. Второй тип представлен дубинами явно не боевого назначения. Они вырезаны из слоновой кости, а их концы оправлены в золото. По-видимому, эти дубины использовались в торжественных случаях или же за ними закреплялась обрядовая функция.

В эпоху Среднего царства и Второго переходного периода дубины стали частью стандартного набора погребального инвентаря [Mendoza, 2017, р. 308]. Сделанные из кости гиппопотама, они могли быть украшены образами Беса и Таусерт. Такие дубины фактически представляли собой магические жезлы. Согласно верованиям древних египтян, когда умерший, находясь в загробном мире, брал в руку такой жезл, по принципу симпатической магии он обретал бесстрашие и силу гиппопотама, что помогало ему противостоять демонам (о симпатической магии в Египте см.: [David, 2002, р. 175; Redford, 2001, р. 77; Teeter, 2011, р. 164]). Впрочем, возможны были и другие модели декора. Так, в гробнице Тутмоса IV найдено 19 метательных дубин второго типа [Carter, Newberry, 1904, pp. 110-113]. Сделанные из фаянса, они были украшены священными символами и изображениями цветков лотоса. На многих сохранились картуши с именем царя и его титулатурой. Эти примеры наглядно демонстрируют трансформацию осмысления вещей и их переход из категории утилитарно-прикладных предметов в разряд парадного или сакрального оружия.

Описывая найденные в гробнице Тутанхамона дубины, Г. Картер разделил их на собственно метательные дубины и бумеранги [Carter, 2014, р. 99]. По его мнению, бумеранги использовали для охоты на диких птиц, а дубины – на поле боя. С утверждением об использовании дубин на войне в эпоху Тутанхамона трудно согласиться. Многого ли можно добиться, применяя это оружие против одетых в панцирный доспех, закрытых щитами хеттских, митанийских или ассирийских воинов?

Г. Картер также полагал, что бумеранги были двух видов – способные вернуться к метателю после броска, подобно оружию австралийских аборигенов, и не имеющие такого свойства. Если разделение на метательные дубины и бумеранги, хотя общепризнанной классификации и не существует, с некоторыми оговорками ещё можно обосновать конструктивными особенностями этих вещей (угол сгиба у бумеранга больше, чем у дубины), то утверждение о способности египетского бумеранга возвращаться к тому, кто его бросил, более чем спорно [SeEVERS, 2013, p. 122]. Исследованием этого вопроса занимался, в частности, Ж. Томас [Thomas, 1991], но на текущий момент очевидно, что без полноценной исторической реконструкции установить, имелось ли у бумеранга такое свойство, не получится.

Завершая тему метательных дубин, можно сделать следующие выводы. Возникнув в глубокой древности как инструмент решения хозяйственных задач, уже в начале исторического периода это оружие постепенно утратило боевую функцию, хотя и продолжало использоваться на охоте. Одновременно оно стало предметом магической практики, о чём свидетельствуют как изобразительные, так и археологические источники. Метательная дубина со временем изменяла свою форму, приближаясь в ряде случаев к традиционному бумерангу. В эпоху Нового царства этот вид оружия обрёл ярко выраженную сакральную функцию: появились дубины – магические жезлы, связанные с представлениями египтян о загробном мире и служившие для противодействия встречающимся там угрозам.

Какое древковое оружие получило самое широкое распространение в Древнем Египте? Как и в странах Восточного Средиземноморья и Междуречья, им стало копье. Это оружие могли использовать как в рукопашной схватке, так и для метания [Morkot, 2010, p. 253]. Особенно эффективно оно было в бою на короткой и средней дистанции. Длина древка варьировалась, но обыкновенно составляла 1,5-2 м. Производным от копья был служивший для метания дротик [Howard, 2011, p. 42]. Длина его древка обычно ограничивалась 1,2 м.

Когда египтяне начали использовать копья? На этот вопрос едва ли возможно дать точный ответ. Появление копья восходит к каменному веку. Технология производства наконечников для него практически совпадает с той, что использовалась при изготовлении стрел. Сходство прослеживается и в формах наконечников этих двух видов оружия (за исключением специализированных стрел, например зажигательных или бронебойных). Прототипом копья была заострённая жердь, боевой конец которой для придания ему прочности обжигали над огнём. Позже к древку стали прикреплять наконечник из камня. Основным материалом для изготовления наконечников копий в архаическую эпоху был кремний [Emery, 1963, p. 114]. Значительно реже встречаются наконечники из слоновой кости и меди [Gilbert, 2004, p. 59], которые могли позволить себе представители знати. Начиная с эпохи Древнего царства получили распространение медные изделия, а в период Нового царства – бронзовые. И только в VI в. до н. э. в Египте начали делать железные наконечники. Впрочем, их производство было локализовано главным образом в Навкратисе, так что эти вещи, вероятно, изготавливали греческие мастера для греческих же наёмников.

Развитие вооружений – всегда соревнование средств защиты и нападения. Это наглядно прослеживается в случае с изменением формы наконечника копья. Она зависела от того, какое защитное снаряжение использовал вероятный противник, и тактики ведения боя. Помимо этого, конструкторские изыскания оружейных мастеров были направлены на установление оптимальных способов крепления наконечника к древку, а также на эксперименты с длиной и толщиной последнего [Drews, 1993, p. 181].

Наиболее распространённой формой наконечника копья в Египте была листовидная [Partridge, 2003, p. 37]. Это объясняется практическими соображениями. Если перо имело выступы, при попадании оно могло застрять в броне или щите противника, что фактически обезоруживало копьеносца. Поэтому важно было на конструктивном уровне обеспечить возможность оперативно извлечь оружие после удара. Кроме того, копье позволяет наносить не только колющие, но также

рубящие и режущие повреждения, но для этого оно должно иметь острые грани. Именно поэтому листовидная, или ланцетовидная, форма наконечника для Египта и древнего Ближнего Востока была оптимальной. Разумеется, важно отметить и способ его крепления к древку. Согласно археологическим источникам до эпохи Среднего царства изготавливались в основном черешковые, а в период Нового царства и позднее – втульчатые наконечники [Howard, 2011, p. 195; Partridge, 2003, p. 38].

В фондах многих музеев, включая Египетский музей в Каире, имеются сотни каменных, чаще всего кремнёвых, наконечников копий, относящихся к додинастическому и раннединастическому времени. По мере развития ремесленных производств на смену камню пришёл металл. Выплавка наконечников копий и стрел из меди была, вероятно, первым опытом человека в использовании этого материала для производства оружия [Горелик, 1993, с. 62]. Хотя военное дело в долине Нила до борьбы с гиксосами в целом отличалось известной консервативностью, археологический материал указывает на то, что в эпоху Древнего царства на вооружении у египтян появились изготовленные за рубежом образцы копий, которые были импортированы, захвачены у иноземцев во время походов либо привезены с собой наёмниками и переселенцами [Bietak, 1996, p. 14]. Примером тому служат находки, сделанные в захоронениях к югу от дворца в Телль эль-Даб'е, относящиеся к концу Среднего царства и началу Второго переходного периода. Так, в одной из гробниц (F/I-m/18-по. 3) обнаружен роскошный бронзовый кинжал с ножнами из слоновой кости, а также пара втульчатых серебряных наконечников дротиков. Судя по форме и декору, вещи были сделаны в Леванте либо стилизованы под левантийское оружие. Гробница принадлежала, по-видимому, Собекэмхату, чиновнику высокого уровня, ответственному за торговлю с этим регионом [Ibid., p. 26]. Возможно, кинжал и дротики были пожалованы ему царём, ведь известно, что оружие входило в систему наград за выдающиеся заслуги [Ершова, 2019, с. 35]. Выбор серебра в качестве материала свидетельствуют о парадном их назначении.

Если обратиться к изобразительным источникам – батальным сценам, то станет очевидно, что копье наравне с топором было самым популярным видом оружия ближнего боя в Древнем Египте. По крайней мере, это верно для эпохи Нового царства [Seevers, 2013, p. 120]. Кроме того, копье, равно как и производные от него острога и гарпун, хорошо подходило для охоты, о чём свидетельствуют многочисленные сцены на стенах частных гробниц (рис. 3). Его использовали как пешие воины, так и колесничие. Это оружие можно удерживать обеими руками, что увеличивает силу и точность удара,

Рис. 3.

Сцена охоты в зарослях тростника из гробницы Ти. Саккара. Фото автора.

а можно и одной. В таком случае в другой руке несли щит. Копьё в Египте стало идеальным оружием протофаланги – боевого построения, дающего преимущество в борьбе с разрозненными противниками или против колесниц.

В чём заключалась причина широкого распространения копья в Египте и сопредельных странах в древности? Дело в том, что, во-первых, технология изготовления этого оружия проста и требует совсем не много ресурсов. Во-вторых, копьё предназначено для фланкировки, что предъявляет к пехотинцу меньшие требования в силе, ловкости и выучке, чем, к примеру, фехтование на клинковом оружии. Таким образом, этот вид вооружения является более доступным с точки зрения освоения приёмов его использования. В-третьих, копьё характеризуется высокой боевой эффективностью. Так, сильный удар этим оружием способен пробить пластинчатый доспех из бронзы, по крайней мере в его уязвимых зонах [Howard, 2011, p. 118].

Какое место занимали дротики в системе вооружения египетской армии? Обнаруженного археологического материала достаточно, чтобы констатировать их широкое распространение. Тактика, а также обстоятельства использования этого оружия прослеживаются преимущественно по изобразительным источникам. При изучении батальных композиций зачастую возникает проблема идентификации предмета: брошенные в цель дротики, переданные художественными средствами, сильно напоминают стрелы, вследствие чего их легко можно спутать [Howard, 2011, p. 195; Shaw, 2015, p. 105]. В тех же случаях, когда воины держат оружие в руках, нельзя утверждать, что это именно дротики, а не копья. Таким образом, изобразительные источники не всегда передают точные сведения о вооружении, которое применялось в битве. Строго говоря, даже археологических находок зачастую оказывается недостаточно для прояснения этой темы [Ramsey, 2016]. Дело в том, что в Египте не существовало единого стандарта формы и размера наконечников копий и дротиков, поэтому наверняка атрибутировать предмет возможно только зная длину древка [Howard, 2011, p. 42].

Были ли египтяне первыми, кто приспособил копья и дротики к бою на колесницах? Это не так. Изобразительные и археологические источники свидетельствуют о том, что впервые это сделали народы Междуречья в середине III тыс. до н. э. [Горелик, 1993, с. 62]. Египтяне же переняли существующую практику, тем более что она была обусловлена практическими соображениями.

Для какого рода войск – пехоты или колесниц – применение дротиков повышало вероятность успешного выполнения боевой задачи? Как в Египте, так и на Ближнем Востоке дротиками чаще вооружались колесничие, чем пехотинцы [SeEVERS, 2013, p. 122]. К примеру, в «Поэме Пентаура» говорится о том, что колесничье войско хеттов, противостоявшее Рамсесу II в битве при Кадеше, применяло дротики, а также луки (строки 135-140 и 160-165) [Gardiner, 1960, p. 10]. Чем можно объяснить такой выбор оружия? Дело в том, что в древности на Ближнем Востоке на равнинной местности первыми в бой обычно вступали именно колесницы. Если на этапе сближения наверняка поразить дротиком коня противника, его колесница фактически выйдет из строя [Drews, 1993, pp. 181-182]. Рана же от стрелы могла оказаться хотя и болезненной, но не критичной для животного, тем более если его защищала броня. Поэтому в коней при сближении целесообразно было метать дротики, тогда как против людей использовали лук. Доказательством тому служат, в том числе батальные сцены эпохи XIX династии [Spalinger, 2005, pp. 199-200]. Известно также, что дротики использовали не только на суше, но и на воде [SeEVERS, 2013, p. 122]. Об этом свидетельствуют батальные сцены, описывающие противостояние «народам моря» в XII в. до н. э.

В каких случаях копьё или дротик относится к категории боевого оружия, а в каких – сакрального? Для ответа на этот вопрос следует обратиться к тем же методологическим принципам, которые были использованы выше. Во-первых, в ряду находок копий и дротиков богато украшенные или выполненные из драгоценных металлов образцы, подобные кинжалам из гробницы Тутанхамона или хепешам эпохи XVIII–XX династий, очень малочисленны. Это обстоятельство имеет большое значение, потому что указывает на приоритет утилитарно-прикладного восприятия египтянами этих вещей. Во-вторых, хотя в изобразительных источниках и сохранилось множество сцен,

Рис. 4.

Рамсес III охотится на быка. Рельеф на внешней стене южного пилона храма Мединет-Абу. Фото автора.

в которых египетские солдаты используют копья на поле боя, а вельможи метают дротики или гарпуны на охоте, это оружие не типично для иконографии победоносного царя. Один из наиболее хорошо сохранившихся примеров, демонстрирующих, как копьем владеет фараон, – рельеф на внешней стене южного пилона храма Мединет-Абу (рис. 4). На нем Рамсес III изображен охотящимся на дикого быка. Очевидно, что художник стремился передать в этой сцене лидерские качества царя, его отвагу и решительность [Monderson, 2009, pp. 38-39], и копьё здесь является в большей степени орудием охоты, нежели священным предметом.

Магические функции копья обнаруживают себя на рельефах храма Хора в Эдфу. Известны две дублирующие друг друга сцены, в которых это оружие выступает ритуальным предметом [Reymond, 1963, p. 140], защитным символом, оберегом, предохраняющим священное пространство от зла. Непосредственно связанное с культом Хора, копьё также косвенно сопряжено с почитанием других богов, среди которых Птах [Reymond, 1964, p. 133]. Культ копья, вероятно, восходит к архаическому периоду, однако недостаточность текстовых источников затрудняет научную разработку этой темы [Reymond, 1965, p. 144].

В завершение исследования древкового оружия Древнего Египта можно сделать следующие выводы. Во-первых, этот вид вооружения, наравне с луком и метательной дубиной, появился очень рано. Фактически он возник тогда, когда человек взял в руки длинную палку и прикрепил к ней наконечник из острого камня. Во-вторых, копьё было едва ли не самым массовым предметом вооружения на протяжении всей египетской истории. В-третьих, в отличие от других видов оружия ближнего боя копьё так и не заняло место в «традиционном наборе» царского вооружения. По крайней мере, это следует из сохранившихся изобразительных и археологических источников. Исключения из этого правила очень редки. К ним можно отнести, например, сцену триумфа Сети I над ливийцами [Spalinger, 2005, p. 197]. В-четвёртых, в отличие от других видов вооружения копьё в Египте не получило масштабного развития в контексте магического осмысления и применения в ритуалах, за исключением упомянутых выше изображений из храма Хора в Эдфу.

Завершает список видов оружия дальнего боя в настоящей статье праща. Конструктивно она представляла собой отрезок ткани или кожи, в центре которого располагался карман – «гамачок». В него клали снаряд, обычно круглой формы, диаметром 3-8 см [Горелик, 1993, с. 65]. Затем, соединив концы пращи, её раскручивали и отпускали один конец. Под действием центробежной силы снаряд покидал карман и, вылетев, способен был нанести серьёзные

ранения незащищённому противнику. Для того чтобы в момент броска не выпустить из руки саму пращу, с одного конца к ней прикрепляли петлю, которая обвязывалась вокруг пальца (обычно мизинца).

Древнейшие известные образцы этого оружия Г. Картер обнаружил в гробнице Тутанхамона [Howard, 2011, p. 27]. Он нашёл две пращи, сохранившиеся не полностью. Их шнуры были сделаны из безупречно переплетённых льняных нитей. Среди строительного мусора на полу гробницы оказались и снаряды к ним – круглая галька [Reeves, 2005, p. 175].

Следует заметить, что египтяне использовали не только классический тип пращи, но также пращу-ложку [Горелик, 1993, с. 65]. Это оружие представляло собой деревянную ложку большого размера, в углубление которой перед броском помещался снаряд. Древко, таким образом, обеспечивало удлинение рычага, повышая дистанцию поражения и пробивающую силу. Впрочем, согласно археологическим данным и изобразительным источникам такой тип пращи встречался значительно реже, чем её обычная разновидность.

Кто в египетской армии был основным «пользователем» этого оружия? Компактный размер и малый вес делали пращу прекрасным дополнением к вооружению лёгкой пехоты, в том числе при битвах на воде. Об этом свидетельствуют батальные сцены эпохи Нового царства [SeEVERS, 2013, p. 123]. Пращу было трудно использовать облачённому в доспех воину, к тому же с точки зрения тактики её применение, как и в случае с луком, требовало от метателя высокого уровня мобильности. Наконец, прашники могли эффективно действовать только в разомкнутом строю, поскольку во время раскручивания можно было задеть тех, кто находился рядом. Интересно, что, как видно по рельефам, техника использования этого оружия в Египте и Ассирии различалась. Египтяне раскручивали пращу в горизонтальной плоскости над головой, тогда как ассирийцы – в вертикальной либо наклонной [Ibid., p. 124].

Когда впервые использовали пращу? На этот вопрос нельзя ответить точно. По мнению большинства исследователей, это случилось на рубеже VII и VI тыс. до н. э., хотя некоторые специалисты [Howard, 2011, p. 27] считают, что раньше – между XII и VIII тыс. до н. э. В любом случае очевидно, что изготовление пращи представляло собой достаточно простой процесс и требовало минимум материалов.

Какова дистанция эффективного поражения противника при использовании этого оружия? Она зависит от длины пращи, физических данных метателя, а также от формы и массы снаряда. В 1998 г. вышло исследование британского специалиста по оружию Т. Ричардсона, посвящённое реконструкции египетской пращи Позднего периода из собрания Музея египетской археологии Питри в Лондоне [Richardson, 1998]. Учёный экспериментировал со снарядами различной массы и формы и сделал вывод, что, например, в случае, если снаряд весит 85 г, им возможно поразить цель на расстоянии 120 м. Сами египтяне изготавливали снаряды из камня, обожжённой глины, а также из металла. Они были сферической, яйцевидной, конической или биконической формы. В Поздний период на снарядах, выплавленных из металла, даже ставили штампы мастерских. У пращи имелось ещё одно достоинство. Когда во время похода или даже в бою заканчивались снаряды, эта проблема достаточно просто решалась: достаточно было просто подобрать с земли подходящие камушки и при необходимости придать им нужную форму. Недостатки пращи состояли в её низкой эффективности против облачённых в доспехи противников, тем более когда они прикрывались щитом, а также в невысокой точности попадания. Ситуация усугубляется тем, что если, выпустив стрелу, при хорошей видимости можно проследить траекторию её полёта и сделать затем необходимые поправки, то в отношении снаряда пращи это практически исключено.

Малочисленность известных по музейным коллекциям образцов пращи – не более десятка – связана, по-видимому, с тем, что, изготовленные из органических материалов, эти предметы не могли сохраниться до настоящего времени, подобно лукам или кинжалам. Находки в гробнице Тутанхамона, вероятно, представляют собой часть парадного вооружения царя.

Изобразительных источников, в которых фигурирует праща, значительно меньше, чем тех, где запечатлены, к примеру, луки, и ни в одном из них этим оружием не пользуется правитель страны. Из этого следует вывод: праща не входила в классический арсенал царского вооружения и не была инструментом магической практики.

В завершение этой части статьи, посвящённой развитию древкового, метательного и стрелкового оружия Древнего Египта, можно отметить следующее. В отличие от некоторых видов клинкового оружия, происхождение которых, безусловно, связано с ближневосточным регионом, копья, луки, пращи и метательные дубины определённо использовались в долине Нила задолго до окончания политогенеза. Их можно с уверенностью отнести к автохтонной категории вещей. Несмотря на очевидный консерватизм, свойственным египтянам в вопросах военного дела, рецепция иноземных средств ведения боя всё же имела место и была вызвана необходимостью изгнания гиксосов, а позже – противостояния многочисленным и хорошо оснащённым армиям Ближнего Востока. Примером такого заимствования служит рассмотренный в статье составной лук.

Особенность настоящего исследования заключается в стремлении осветить не только прикладные и технические аспекты развития тех или иных видов оружия, но также их магическое осмысление. Это обусловлено тем, что успех на поле брани был для египтян не просто результатом грамотной подготовки операций, хорошей выучки солдат и эффективного командования. Победа над противником рассматривалась как воплощение принципов миропорядка на земле. Царь в этой системе выступал проводником высшей воли [Way, 1992]. Неслучайно перед отправлением армии в поход жрецы выносили к воинам статую божества, чтобы оно благословило их на победу [Seevers, 2013, p. 111].

Большой интерес представляет трансформация метательной дубины в магический жезл. Этот процесс наглядно демонстрирует связь утилитарно-прикладного и сакрального подходов к осмыслению предметов вооружения в Древнем Египте. Оружие, таким образом, не только представало средством решения практических задач на охоте или на поле боя, но также выступало инструментом влияния на процессы, происходящие в незримом мире. Именно поэтому холистическое исследование этой темы возможно на стыке материальной и духовной культуры Древнего Египта.

Следующая, третья часть настоящей статьи будет посвящена одному из наиболее сложных и интересных средств ведения войны – египетским боевым колесницам.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Левая часть кузова колесницы Тутмоса IV, внешняя сторона (прорисовка).

Источник: Carter H., Newberry P. E. The Tomb of Thoutmosis IV. Oxford, 1904. Pl. XI.

Рис. 2. Правая часть кузова колесницы Тутмоса IV, внешняя сторона (прорисовка).

Источник: Carter H., Newberry P. E. The Tomb of Thoutmosis IV. Oxford, 1904. Pl. X.

Рис. 3. Сцена охоты в зарослях тростника из гробницы Ти. Саккара. Фото автора.

Рис. 4. Рамсес III охотится на быка. Рельеф на внешней стене южного пилон храма Мединет-Абу. Фото автора.

ИСТОЧНИКИ

1. Gardiner A. The Kadesh Inscriptions of Ramesses II. – Oxford: University Press, 1960.
2. Romano J. The Luxor Museum of Ancient Egyptian Art: Catalogue. – Cairo: American Research Center in Egypt, 1979.
3. Pritchard J. Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament with Supplement. – Princeton: Princeton University Press, 2016.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белова Г.А. Восточные пределы Египта. Новые археологические данные // Вестник древней истории. – 1999. – № 4. – С. 159-169.

2. Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). – Москва: «Восточная литература». 1993.
3. Еришова Е.С. Виды и символика древнеегипетских наград эпохи Нового царства // Артикульт. 2019. 34(2). С. 32-40. DOI: 10.28995/2227-6165-2019-2-32-40
4. Матъе М.Э. Искусство Древнего Египта. – Санкт-Петербург: Университетская книга, 2005.
5. Реунов Ю.С. Оружие Древнего Египта: боевое и сакральное. Часть 1 // Артикульт. 2019. 34(2). С. 18-31. DOI: 10.28995/2227-6165-2019-2-18-31.
6. Реунов Ю.С. Предыстория жанра батальных композиций. Их историческое и символическое осмысление. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Грамота, Тамбов, 2013, 2. – С. 144-153.
7. Шеркова Т.А. Додинастический Египет: учебно-методическое пособие. – Москва: ЦЕИ РАН, 2016.
8. Assman J. The Search for God in Ancient Egypt. – New York: Cornell University Press, 2001.
9. Bietak M. Avaris, the capital of the Hyksos: recent excavations at Tell el-Dab'a. – London: British Museum Press, 1996.
10. Carter H., Newberry P.E. The Tomb of Thoutmosis IV. – Oxford, 1904.
11. Carter H. The Tomb of Tutankhamun: Volume 3. – London: Bloomsbury Publishing, 2014.
12. Cartwright C., Taylor J. Wooden Egyptian archery bows in the collections of the British Museum // British Museum Technical Research Bulletin. Vol. II. – London: British Museum, 2008. – Pp. 77-83.
13. Creasman P., Wilkinson R. Pharaoh's Land and Beyond: Ancient Egypt and Its Neighbors. – New York: Oxford University Press, 2017.
14. Darnell J., Manassa C. Tutankhamun's Armies: Battle and Conquest during Ancient Egypt's Late 18th Dynasty. – Hoboken: John Wiley & Sons, 2007.
15. David R. Religion and Magic in Ancient Egypt. – London: Penguin Books, 2002.
16. Drews R. The End of the Bronze Age: Changes in Warfare and the Catastrophe Ca. 1200 B.C. – Princeton: Princeton University Press, 1993.
17. Dupuy T. The Evolution of Weapons and Warfare. – Indianapolis, New York: The Bobbs-Merrill Company, Inc., 1980.
18. Emery W. Archaic Egypt. – Edinburgh: Penguin Books, 1963.
19. Gilbert G. Weapons, Warriors and Warfare in Early Egypt. – Oxford: Archaeopress, 2004.
20. Grayson C., French M., O'Brien M. Traditional Archery from Six Continents: The Charles E. Grayson Collection. – University of Missouri Press, 2007.
21. Hamblin W. Warfare in Ancient Near East to 1600 BC: Holy Warriors at the Dawn of History. – New York: Routledge, 2006.
22. Howard D. Bronze Age Military Equipment. – Barnsley: Pen & Sword Military, 2011.
23. Kamrin J. The Cosmos of Khnumhotep II at Beni Hasan. – New York: Routledge, 1999.
24. Karenga M. Maat, the Moral Ideal in Ancient Egypt: a Study in Classical African Ethics. – New York: Routledge, 2004.
25. Lemos T. Violence and Personhood in Ancient Israel and Comparative Contexts. – Croydon: Oxford University Press, 2017.
26. McEwen E., Miller R., Bergman C. Early bow design and construction // Scientific American №264 (6), 1991. – Pp. 76-82.
27. McLeod W. Composite Bows from the Tomb of Tutankhamun. – Oxford: Griffith Institute, 1970.
28. Mendoza B. Artifacts from Ancient Egypt. – Santa Barbara: ABC CLIO, 2017.
29. Monderson F. Medinet Habu: Mortuary Temple of Ramses III. – Bloomington: AuthorHouse, 2009.
30. Morkot R. The A to Z of Ancient Egyptian Warfare. – Lanham, Toronto, Plymouth: Rowman & Littlefield, 2010.
31. O'Connor D., Quirke S. Introduction: Mapping the unknown in Ancient Egypt // Mysterious Lands. Ed.: O'Connor D., Quirke S. – London: UCL Press, 2003. – Pp. 1-22.
32. Odler M. Old Kingdom Copper Tools and Model Tools. – Oxford: Archaeopress Publishing Ltd., 2016.
33. Partridge R. Fighting pharaohs. Weapons and warfare in ancient Egypt. Manchester: Peartree Publishing, 2003.
34. Peck W. The Material World of Ancient Egypt. – New York: Cambridge University Press, 2013.
35. Ramsey S. Tools of War: History of Weapons in Ancient Times. – Alpha Editions, 2016.
36. Redford D.B. The Oxford Encyclopedia of Ancient Egypt (Editor in Chief). – Oxford, New York: Oxford University Press. 2001. Vol. I.
37. Reeves N. The Complete Tutankhamun. The King. The Tomb. The Royal Treasure. – Cairo: The American University in Cairo Press, 2005.
38. Reymond E.A.E. The origin of the spear. I // The Journal of Egyptian Archaeology. Vol. 49 (Dec., 1963). – London: Sage Publications, Ltd. – Pp. 140-146.

39. *Reymond E.A.E.* The origin of the spear. II // *The Journal of Egyptian Archaeology*. Vol. 50 (Dec., 1964). – London: Sage Publications, Ltd. – Pp. 133-138.
40. *Reymond E.A.E.* The cult of the spear in the temple of Edfu // *The Journal of Egyptian Archaeology*. Vol. 51 (Dec., 1965). – London: Sage Publications, Ltd. – Pp. 144-148.
41. *Richardson T.* The Ballistics of the Sling // *Royal Armouries Yearbook*, Vol. 3. – Leeds: Royal Armouries, 1998. Pp. 44-49.
42. *Seevers B.* Warfare in the Old Testament: The Organization, Weapons, and Tactics of Ancient Near Eastern Armies. – Grand Rapids: Kregel Academic, 2013.
43. *Shaw G.* War & Trade With the Pharaohs: An Archaeological Study of Ancient Egypt's Foreign Relations. – Barnsley: Pen and Sword, 2017.
44. *Shaw I.* Ancient Egyptian Warfare: Tactics, Weaponry and Ideology of the Pharaohs. – Oxford: Casemate Publishers, 2019.
45. *Shaw I.* Ancient Egyptian Technology and Innovation. – New York: Bloomsbury Publishing, 2015.
46. *Shaw Y.* The Oxford History of Ancient Egypt. – Oxford: Oxford University Press, 2000.
47. *Šliwa J.* Some Remarks Concerning Victorious Ruler Representations in Egyptian Art // *Forschungen und Berichte*, Bd. 16, *Archäologische Beiträge*, 1974. – Pp. 97-117.
48. *Spalinger A.* War in Ancient Egypt: New Kingdom. – Bodmin: Wiley, 2005.
49. *Teeter E.* Religion and Ritual in Ancient Egypt. – New York: Cambridge University Press, 2011.
50. *Teeter E.* The Presentation of Maat: Ritual and Legitimacy in Ancient Egypt. – Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, 1997.
51. *Thomas J.* The Boomerangs of a Pharaoh. – Lyon: Jacques Thomas, 1991.
52. *Traunecker C.* The Gods of Egypt. – New York: Cornell University Press, 2001.
53. *Troy L.* Religion and Cult during the Time of Thutmose III // *Thutmose III: A New Biography*. Ed. By: Clein E., O'Connor D. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. – Pp. 123-183.
54. *Veldmeijer A.* Tutankhamun's Footwear: Studies in Ancient Egyptian Footwear. – Norg: Druk Ware, 2010.
55. *Way T.* Göttergericht und "Heiliger" Krieg im Alten Ägypten: die Inschriften des Merenptah zum Libyerkrieg des Jahres 5 // *Studien zur Archäologie und Geschichte Altägyptens*. – Heidelberg: Heidelberger Orientverlag, 1992.

SOURCES

1. Gardiner A. *The Kadesh Inscriptions of Ramesses II*. Oxford, University Press, 1960.
2. Romano J. *The Luxor Museum of Ancient Egyptian Art: Catalogue*. Cairo, American Research Center in Egypt, 1979.
3. Pritchard J. *Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament with Supplement*. Princeton, Princeton University Press, 2016.

REFERENCES

1. Assman J. *The Search for God in Ancient Egypt*. New York, Cornell University Press, 2001.
2. Belova G.A. *Vostochnye predely Egipta. Novye arheologicheskiye dannye* [Eastern Borders of Egypt. New Archaeological Data]. In *Vestnik drevney istorii* [Herald of ancient history]. 1999. #4. Pp. 159-169.
3. Bietak M. *Avaris, the capital of the Hyksos: recent excavations at Tell el-Dab'a*. London, British Museum Press, 1996.
4. Carter H., Newberry P.E. *The Tomb of Thoutmosis IV*. Oxford, 1904.
5. Carter H. *The Tomb of Tutankhamun: Volume 3*. London, Bloomsbury Publishing, 2014.
6. Cartwright C., Taylor J. *Wooden Egyptian archery bows in the collections of the British Museum*. In *British Museum Technical Research Bulletin*. Vol. II. London, British Museum, 2008, pp. 77-83.
7. Creasman P., Wilkinson R. *Pharaoh's Land and Beyond: Ancient Egypt and Its Neighbors*. New York, Oxford University Press, 2017.
8. Darnell J., Manassa C. *Tutankhamun's Armies: Battle and Conquest during Ancient Egypt's Late 18th Dynasty*. Hoboken, John Wiley & Sons, 2007.
9. David R. *Religion and Magic in Ancient Egypt*. London, Penguin Books, 2002.
10. Drews R. *The End of the Bronze Age: Changes in Warfare and the Catastrophe Ca. 1200 B.C.* Princeton, Princeton University Press, 1993.
11. Dupuy T. *The Evolution of Weapons and Warfare*. Indianapolis, New York, The Bobbs-Merrill Company, Inc., 1980.

12. Emery W. *Archaic Egypt*. Edinburgh, Penguin Books, 1963.
13. Ershova E. *Vidy i simbolika drevneyegipetskikh nagrad epokhi Novogo tsarstva* [Types and Symbolic Meaning of Ancient Egyptian Rewards in the New Kingdom]. In *Articult*, 2019. 34(2). Pp. 32-40. DOI: 10.28995/2227-6165-2019-2-32-40
14. Gilbert G.P. *Weapons, Warriors and Warfare in Early Egypt*. Oxford, Archaeopress, 2004.
15. Gorelik M. *Oruzhie drevnego Vostoka (IV millennium – IV c. BC)* [Warfare of Ancient Orient (IV millennium – IV c. BC)]. Moscow, Vostochnaya Literatura, 1993.
16. Grayson C., French M., O'Brien M. *Traditional Archery from Six Continents: The Charles E. Grayson Collection*. University of Missouri Press, 2007.
17. Hamblin W.J. *Warfare in Ancient Near East to 1600 BC: Holy Warriors at the Dawn of History*. New York, Routledge, 2006.
18. Howard D. *Bronze Age Military Equipment*. Barnsley, Pen & Sword Military, 2011.
19. Kamrin J. *The Cosmos of Khnumhotep II at Beni Hasan*. New York, Routledge, 1999.
20. Karenga M. *Maat, the Moral Ideal in Ancient Egypt: a Study in Classical African Ethics*. New York, Routledge, 2004.
21. Lemos T. *Violence and Personhood in Ancient Israel and Comparative Contexts*. Croydon, Oxford University Press, 2017.
22. Mathieu M. *Iskusstvo Drevnego Yegipta* [The art of Ancient Egypt]. St. Petersburg, Universitetskaya kniga, 2005.
23. McEwen E., Miller R., Bergman C. *Early bow design and construction*. In *Scientific American* #264 (6), 1991. Pp. 76-82.
24. McLeod W. *Composite Bows from the Tomb of Tutankhamun*. Oxford, Griffith Institute, 1970.
25. Mendoza B. *Artifacts from Ancient Egypt*. Santa Barbara, ABC CLIO, 2017.
26. Monderson F. *Medinet Habu: Mortuary Temple of Ramses III*. Bloomington, AuthorHouse, 2009.
27. Morkot R. *The A to Z of Ancient Egyptian Warfare*. Lanham, Toronto, Plymouth, Rowman & Littlefield, 2010.
28. O'Connor D., Quirke S. *Introduction: Mapping the unknown in Ancient Egypt*. In *Mysterious Lands*. Ed.: O'Connor D., Quirke S. London, UCL Press, 2003. Pp. 1-22.
29. Odler M. *Old Kingdom Copper Tools and Model Tools*. Oxford, Archaeopress Publishing Ltd., 2016.
30. Partridge R.B. *Fighting pharaohs. Weapons and warfare in ancient Egypt*. Manchester, Peartree Publishing, 2003.
31. Peck W. *The Material World of Ancient Egypt*. New York, Cambridge University Press, 2013.
32. Ramsey S. *Tools of War: History of Weapons in Ancient Times*. Alpha Editions, 2016.
33. Redford D.B. *The Oxford Encyclopedia of Ancient Egypt* (Editor in Chief). Oxford, New York, Oxford University Press. 2001. Vol. I.
34. Reeves N. *The Complete Tutankhamun. The King. The Tomb. The Royal Treasure*. Cairo, The American University in Cairo Press, 2005.
35. Reunov Y. *Oruzhiye Drevnego Yegipta: boyevoye i sakral'noye. Chast' 1* [Weapons of Ancient Egypt: the Military and the Sacred. Part 1]. In *Articult*, 2019. 34(2). Pp. 18-31. DOI: 10.28995/2227-6165-2019-2-18-31.
36. Reunov Y. *Predystoriya zhanra batal'nykh kompozitsiy. Ikh istoricheskoye i simbolicheskoye osmysleniye* [Background to the genre of battle compositions. Their historical and symbolic interpretation]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i uridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal Sciences, cultural studies and art history. Theory and practice issues]. Tambov, Gramota. 2013, 2, pp. 144-153.
37. Reymond E.A.E. *The origin of the spear. I*. In *The Journal of Egyptian Archaeology*. Vol. 49 (Dec., 1963). London, Sage Publications, Ltd. Pp. 140-146.
38. Reymond E.A.E. *The origin of the spear. II*. In *The Journal of Egyptian Archaeology*. Vol. 50 (Dec., 1964). London: Sage Publications, Ltd. Pp. 133-138.
39. Reymond E.A.E. *The cult of the spear in the temple of Edfu*. In *The Journal of Egyptian Archaeology*. Vol. 51 (Dec., 1965). London: Sage Publications, Ltd. Pp. 144-148.
40. Richardson T. *The Ballistics of the Sling*. In *Royal Armouries Yearbook*, Vol. 3. Leeds, Royal Armouries, 1998. Pp. 44-49.
41. Seevers B. *Warfare in the Old Testament: The Organization, Weapons, and Tactics of Ancient Near Eastern Armies*. Grand Rapids, Kregel Academic, 2013.
42. Shaw G. *War & Trade With the Pharaohs: An Archaeological Study of Ancient Egypt's Foreign Relations*. Barnsley, Pen and Sword, 2017.
43. Shaw I. *Ancient Egyptian Technology and Innovation*. New York, Bloomsbury Publishing, 2015.
44. Shaw I. *Ancient Egyptian Warfare: Tactics, Weaponry and Ideology of the Pharaohs*. Oxford, Casemate Publishers, 2019.
45. Sherkova T.A. *Dodinasticheskiy Egipet: uchebno-metodicheskoye posobie* [Predynastic Egypt: The Teaching Aid]. Moscow, CES RAS, 2016.

46. Shaw Y. *The Oxford History of Ancient Egypt*. Oxford: Oxford University Press, 2000.
47. Śliwa J. *Some Remarks Concerning Victorious Ruler Representations in Egyptian Art*. In *Forschungen und Berichte*, Bd. 16, Archäologische Beiträge, 1974. Pp. 97-117.
48. Spalinger A.J. *War in Ancient Egypt: New Kingdom*. Oxford, Wiley, 2005.
49. Teeter E. *Religion and Ritual in Ancient Egypt*. New York, Cambridge University Press, 2011.
50. Teeter E. *The Presentation of Maat: Ritual and Legitimacy in Ancient Egypt*. Chicago, Oriental Institute of the University of Chicago, 1997.
51. Thomas J. *The Boomerangs of a Pharaoh*. Lyon, Jacques Thomas, 1991.
52. Traunecker C. *The Gods of Egypt*. New York, Cornell University Press, 2001.
53. Troy L. *Religion and Cult during the Time of Thutmose III*. In *Thutmose III: A New Biography*. Ed. By: Clein E., O'Connor D. Ann Arbor, University of Michigan Press, 2006. Pp. 123-183.
54. Veldmeijer A. *Tutankhamun's Footwear: Studies in Ancient Egyptian Footwear*. Norg, Druk Ware, 2010.
55. Way T. *Göttergericht und "Heiliger" Krieg im Alten Ägypten: die Inschriften des Merenptah zum Libyerkrieg des Jahres 5*. In *Studien zur Archäologie und Geschichte Altägyptens*. Heidelberg: Heidelberger Orientverlag, 1992. Текст статьи...